

«Однако может ли на свете
 Прожить без денег человек?
 Не может, изреку в ответе.
 И тем то наш и скучен век».
 (Богатство.)

Херасков, как и многие другие дворянские писатели, видел воочию власть денег, их силу — и ему это не нравилось. Он знал, хотя и предпочитал не говорить об этом в стихах, что деньги состоят из рублей и копеек. А Чулков говорит об этом с удовольствием, он вполне удовлетворен существующим положением, при котором вчерашний нищий может стать богатым человеком. И в этом существенное различие между ними в самой постановке вопроса. Чулкову чужды отвлеченные умствования и «философские» настроения — он хорошо изучил на своем опыте, что значат материальные блага на «бренном свете».

«Но все, что в жизни ни получим,
 За что, за что себя ни мучим,
 То прах, мечта, пустая тень».
 (Суета.)

Прах, мечта — для Хераскова, но не для неимущего литератора Чулкова, вынужденного собственными силами пробивать себе дорогу в жизни.

В «И то и сьо» Чулков также часто говорит о деньгах. Но это у него не абстрактное «злато», а реальные деньги, состоящие из полупшек, копеек, рублей — таких, которые служат «всеобщим эквивалентом», металлических, полновесных, а не призрачных денег. Это коренным образом отличает мировоззрение Чулкова. Он мыслит практически и привык пересчитывать на деньги все явления окружающего мира.

По мнению Хераскова:

«Не делает мне злато друга;
 Не даст ни чести, ни ума;
 Оно есть яд земного круга;
 В нем скрыта смерть и влость сама».
 (Злато.)

А Чулков в своем журнале доказывает на примерах, что злато — а именно пятьсот рублей — даст ум, образование, которое можно получить, наняв учителей, что деньги возвышают крестьянина и делают его боярином, что злато — не яд земного круга, а чудодейственный эликсир, центр и ось земной жизни, что «прибыток имеет силу и все перевершит». И своему сыну Владимиру Чулков завещает быть «достойным наследником отцовского имени, приобретенного им неуспешными трудами. . .»